

УДК 94(37).08

РЕЙНСКАЯ ГРАНИЦА ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В 350–378 гг.: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СВЕДЕНИЙ ПАНЕГИРИКОВ

© 2019 г.

Е.А. Мехамдиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

e.mehamadiev@spbu.ru

Поступила в редакцию 20.08.2019

На основе трех текстов о крупных военных кампаниях 350–378 гг. рассматривается, как события военной истории, происходившие на рейнской границе поздней Римской империи, были представлены в панегириках. Анализ причинно-следственной связи, которую панегиристы использовали при изложении событий военной истории, а также набора аргументов и терминов (этнические и географические названия) в этих панегириках показал, что их авторы часто создавали (придумывали) ложные причины и следствия многих военных событий и преувеличивали географию (территорию) побед императора.

Ключевые слова: панегирики, рейнская граница, аламанны, узурпация, пропаганда, идеология.

Ситуация, сложившаяся на рейнской границе поздней Римской империи, и особенно в сложный период 350–378 гг., характеризовалась неослабевающей угрозой со стороны германских племен, прежде всего, аламаннов и франков, которые не оставляли попыток перейти Рейн и вторгнуться в Галлию. В данной статье мы хотели бы обратиться к трем сюжетам из военной истории рейнской границы в 350–378 гг. – узурпация римского офицера Магненция (350–353 гг.) в Галлии, военные кампании императора Валентиниана I против аламаннов (368–370 гг.) и кампании против того же племени, проведенные Грацианом, сыном Валентиниана I, в 378–379 гг.

Тем не менее уточним, что мы не будем рассматривать саму событийную историю, поскольку указанные выше сюжеты интересуют нас в совершенно другом аспекте – для нас важно, как военные кампании против германцев и узурпация Магненция рассматривались в панегириках, т.е. в официальных хвалебных и похвальных речах. Как известно, любой панегирик призван возвеличить героя своего повествования, соответственно цель данной статьи – определить сам механизм этого возвеличивания (на примере военных кампаний, развернувшихся на рейнской границе империи в указанный период). Более точно – нас интересует вопрос о том, как панегиристы исказили смысл событий военной истории, какой набор аргументов они использовали в своих рассуждениях, какова была логика причинно-следственной связи в повествовании панегиристов и насколько послед-

овательно они придерживались этой логики. В целом главный вопрос, на который мы хотели бы ответить, как реальные события военной истории, произошедшие на рейнском фронте, отразились в мировоззрении панегиристов, какое осмысление эти события получили в рассуждениях риториков. Для этой цели мы выбрали три панегирика: панегирик Цезаря Юлиана (Отступника) в честь императора Констанция II, панегирик Квинта Аврелия Симмаха в честь Валентиниана I и панегирик (благодарственная речь) Децима Магна Авсония в честь Грациана.

1. ПАНЕГИРИК ЦЕЗАРЯ ЮЛИАНА (ОТСТУПНИКА) В ЧЕСТЬ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНЦИЯ II: УЗУРПАЦИЯ МАГНЕНЦИЯ (350–353 гг.) МЕЖДУ РИТОРИКОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ.

[1, р. 90 = Jul. Or. I. 35a]

καὶ πόλις πᾶσα καὶ φρούριον πρόσοικον Ῥήνω τῶν ἐνοικοῦντων φυλάκων ἐξερημωθέντα προδέδοτο μὲν ἀφύλακτα πάντα τοῖς βαρβάροις «и каждый город и крепость, находившиеся вблизи Рена, он (т.е. Магненций. – Е.М.) лишил тех защитных отрядов, которые (там) располагались, и, оставив (их) без защиты, отдал их все варварам»

В данном панегирике, который, по оценкам современных исследователей, был написан в 356/357 гг. [2, р. 20; 3, р. 39]¹, Цезарь Юлиан, будущий император Юлиан Отступник, находившийся в тот период в Галлии, подробно рассказал о военных действиях между законным

римским императором Констанцием II (правил в 337–361 гг., средний сын Константина I Великого) и галльским узурпатором Магненцием, захватившим власть в 350 г. Узурпация Магненция привела к тяжелой гражданской войне, в результате которой в сентябре 351 г. Констанций II одержал победу над войском Магненция в битве при г. Мурса в Паннонии, а впоследствии, к сентябрю 352 г., полностью установил свой контроль над всеми западными провинциями империи (как известно, до 350 г. сам Констанций II управлял только восточными регионами империи, т.е. Малой Азией, Египтом и провинциями, располагавшимися вдоль римско-персидской границы).

Сравнительно недавно С. Конти отметил, что в своем панегирике Юлиан стремился представить конфликт Магненция и Констанция II не как внутреннюю гражданскую войну, но как обычную войну римского императора против внешних врагов – варваров (германцев), вторгшихся на территорию империи, поскольку и сам Магненций был наполовину варваром – его мать происходила из племени франков [5, р. 108]². Несомненно, мы можем согласиться с подобным наблюдением: любой панегирист ставил перед собой цель максимально прославить героя своего повествования и очернить (или принизить значение) антигероя. В случае с панегириком Юлиана гражданская война выглядела бы как конфликт двух равных по статусу правителей, в то время как война с внешним противником превращала масштабную внутреннюю междоусобицу всего лишь в локальное столкновение на одном из участков римской границы.

Но в связи с этим возникает закономерный вопрос: как именно Юлиан стремился внушить читателю мысль о войне с внешним противником, как Юлиан пытался преобразовать внутренний конфликт во внешний? Соответственно этот вопрос, в свою очередь, подводит к главной проблеме (в рамках данной части статьи) – мы хотели бы проследить, как искажение смысла событий в повествовании Юлиана, в свою очередь, само по себе отразило реальные особенности военной политики Магненция, которую узурпатор проводил в 350–353 гг.

Цитированный выше фрагмент панегирика Юлиана довольно ясно подводит читателя к выводу, что армия, поддерживавшая Магненция, состояла из «варваров», т.е. наемных германцев, и местных римских подразделений, к 350 г. размещавшихся на рейнской границе. Соответственно, по словам Юлиана, когда Магненций узурпировал императорскую власть в Галлии, он удалил римские войсковые подразделе-

ния с рейнской границы и переместил их в другой регион. Как проследил Б. Блекманн, рейнские пограничные войска, поддерживавшие Магненция, были сформированы из местного населения галльских провинций [8, S. 52]. В современной исследовательской литературе достаточно широко распространен тезис о том, что в своей военной политике Магненций опирался прежде всего на крестьянское население Галлии, которое в основном было языческим, а не христианским [9, р. 136]³.

Следовательно, даже пытаясь изобразить конфликт Магненция и Констанция II как борьбу законного римского императора с внешним противником (варварами), Юлиан все же вынужден был признать, что войско Магненция состояло не только из германцев, но и из местного галло-римского населения, а значит, помимо германцев, в подчинении у Магненция находилась профессиональная и хорошо вооруженная *римская* войсковая группировка. В своем панегирике Юлиан попытался максимально принизить (обесценить) значение этого факта за счет фразы об отводе рейнских подразделений из тех крепостей (гарнизонов), где войсковые подразделения располагались ранее. Но возникает вопрос: в чем заключалась *реальная* причина перемещения рейнских войсковых подразделений? Юлиан внушает читателю мысль о предательской и вероломной политике Магненция – тот стремился лишиться рейнские пограничные регионы военной защиты и отдать их во владение варварам-германцам, своим союзникам. В связи с логикой рассуждений Юлиана мы можем поставить иначе вопрос о причине перемещений рейнских пограничных отрядов: куда были переведены эти отряды, в каком регионе они разместились после отвода с рейнской границы? Ответ на этот вопрос, в свою очередь, позволит нам более точно раскрыть механизм искажения смысла событий в панегирике Юлиана.

В 1978 г. Дж. Камодека опубликовал латинскую посвятельную надпись из города Асколи-Пичено (адриатическое побережье Италии), датированную 352/353 гг. На наш взгляд, данная надпись позволяет определить, в какую провинцию (регион) Магненций переместил рейнские пограничные подразделения [12, р. 153]:

LXVIII

*Liberatori orbis
romani restitut[ori]
libertatis et rei public-
[c]e (sic) conservatori mi-
litum et provincialium
[d.n. Magnentio] inv-
icto principi victori ac*

*triumfatori
semper Augusto
Flavius Ro[m]ulus v.c.
consularis Flami-
niae et Piceni curavit*

68

Освободителю римского мира,
восстановителю свободы и государства,
хранителю воинов и жителей провинций,
[(нашему господину) Магненцию]
всегда непобедимому правителю,
победителю и триумфатору, Августу –
Флавий Ромул, (муж светлейший),
консуляр Фламинии и Пицена, воздвиг

Как проследил Дж. Камодека, Флавий Ромул, консулярный наместник провинции Фламиния и Пицен (*Flaminia et Picenum*), занял свой пост в 352 г. и продолжал исполнять эту должность вплоть до 359 г. Как полагает исследователь, первоначально Флавий Ромул приказал составить надпись в честь Магненция, но затем, после сентября 352 г., когда северная Италия перешла под власть Констанция II, Флавий Ромул приказал стереть (удалить) имя Магненция. Дж. Камодека оценивает документ как инструмент официальной пропаганды Магненция – незадолго до вторжения Констанция II в Италию узурпатор стремился повысить авторитет своей власти среди местного населения Италии с помощью различных торжественных и хвалебных (посвятительных) надписей. Исследователь проследил, что составитель надписи из Асколи-Пичено перечисляет те же самые титулы Магненция и в той же самой последовательности, что и другие надписи из Италии, упоминающие этого правителя [12, p. 152, 155–156].

Еще в 1977 г. И. Диду подробно рассмотрел все известные на тот момент надписи из Италии, прославляющие Магненция, и подчеркнул, что большинство этих памятников располагалось на территории от верховьев реки По до города Асколи-Пичено, соответственно, по мнению исследователя, именно этот регион Италии был наиболее важным для узурпатора как в плане стратегии, так и в плане внутренней политики [13, p. 45–46]. Как предположил И. Сзиде, социальной опорой власти Магненция была определенная часть сенаторской аристократии (особенно в Галлии, где произошел сам мятеж), а также население крупных городов – исследователь признает, что надписи, упоминающие Магненция в качестве императора, служили средством пропаганды власти узурпатора преимущественно среди горожан [14, S. 237, 287, 296]⁴.

Следовательно, с учетом сведений надписи из Асколи-Пичено и эпиграфических материа-

лов, рассмотренных предшествующими исследователями, мы можем предположить, что Магненций переместил рейнские пограничные подразделения в северную Италию, где они составили военную основу его власти. Но обратим внимание, что Магненций перевел рейнские отряды в Италию для усиления защиты альпийских рубежей своих владений по причине дальнейшего противостояния с Констанцием II. Скорее всего, это перемещение произошло после сентября 351 г., т. е. после битвы при Мурсе в Паннонии, когда Магненций потерпел тяжелое поражение и отчетливо понимал, что следующая цель Констанция II – захват уже собственно северной Италии.

В панегирике же Юлиана Магненций предстает вероломным правителем-предателем, который лишил рейнскую границу военной защиты именно для того, чтобы передать все пограничные земли Галлии германским племенам. Подобная логика событий соответствовала цели Юлиана – желая доказать читателю, что Констанций II боролся не с внутренним, а с внешним врагом, Юлиан вполне органично «преобразовал» армию Магненция в варварскую, т. е. состоявшую из германцев, намеренно оставив без упоминания, куда и по какой причине узурпатор переместил рейнские отряды и какой была их дальнейшая судьба.

2. ПАНЕГИРИК КВИНТА АВРЕЛИЯ СИММАХА В ЧЕСТЬ ИМПЕРАТОРА ВАЛЕНТИНИАНА I (370 г.) И ВОЙНЫ С АЛАМАННАМИ: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА И ЛИЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ АВТОРА.

[16, p. 325–326 = Symm. Laud. Valent. II. 12–13]
tibi vivit incola Alamanniae: quos ferro subtrahis, addis imperio. sat est, quod mores gentium parcendo mutasti. quid illis remansit immune, quorum salus mancipata est beneficiis tuis et terra castellis? iure interim liberi sunt, sed iam pudore captivi. an ad longinqua diffugient, quos non vexillum tantum tua, verum etiam nova oppida persequuntur? exclusit cultus indigenas, et quasi iam vacantibus mediis ulterior accola Romanum foudus efflagitat.

«Для тебя живет житель Аламании: тех, кого ты подчиняешь мечом, ты присоединяешь к государству. Достаточно того, что ты (своей) пощадой изменил нравы народов. Что осталось свободным у тех, благополучие которых было передано твоим милостям, а земля – твоим крепостям? По праву они пока свободные, но, к позору (своему), они уже пленники. Побегут ли они в далекие земли, если за ними следуют не только твои знамена, но, воистину, и новые города? Он (т. е. житель Аламании. – Е.М.) отго-

родил местные земли, и, словно в центральных землях уже нет жителей, житель более дальних земель настоятельно просит мира у римлян»

[16, p. 329 = Symm. Laud. Valent. II. 31]

dicam senatui plebique Romanae: 'fasces in provincias novas mittite, trans Rhenum iudices praeparate

«Я хочу сказать сенату и народу римскому: отправьте в новые провинции чиновников, подготовьте судей за Реном»

В цитированных выше главах своего панегирика в честь императора Валентиниана I, правившего в западных провинциях империи в 364–375 гг., Квинт Аврелий Симмах, прославленный государственный деятель (в 384–385 гг. – префект города Рима, в 391 г. – консул), ритор и идеолог языческой оппозиции в западных провинциях империи (идейный противник Амвросия Медиоланского по вопросу о судьбе знаменитого Алтаря Победы в здании римского Сената) отчетливо выразил главную цель официальной имперской пропаганды: доказать населению империи, что Валентиниан I не просто победил аламаннов, но и присоединил территорию их проживания к римским владениям, сделал Аламаннию новой римской провинцией.

Судя по всему, под топонимом «Аламанния» у Симмаха следует понимать территорию вдоль верхнего Рейна, точнее, тот участок данной территории, который располагался от современного города Кайзераугст в северной Швейцарии и вплоть до города Мец на северо-востоке Франции – именно на этой территории, в основном вблизи Меца, Валентиниан I провел свои успешные военные кампании против аламаннов [17, S. 392, 395, 397].

Следовательно, Симмах стремился донести до читателя мысль, что теперь земли аламаннов принадлежат Римской империи и как результат Аламанния органично превратилась в одну из римских провинций. В действительности же Валентиниан I значительно усилил, перестроил, обновил или восстановил римские крепости (оборонительные сооружения), которые и ранее размещались вдоль верхнего течения Рейна, особенно в районе современных Майнца, Гейдельберга и Брайзаха-на-Рейне [17, S. 397]. Но ни один источник, даже Аммиан Марцеллин, в целом весьма положительно относившийся к Валентиниану I, не упоминает о прямом присоединении к империи внутренних земель аламаннов – Валентиниан I ограничился только восстановлением оборонительной системы римлян на верхнем Рейне. При этом, как полагают современные исследователи, по охвату территории и прочности самих сооружений

строительная деятельность императора на Рейне значительно превзошла достижения его предшественников, Констанция II и Юлиана, которые тоже проводили работы по усилению рейнской границы [18, p. 94].

Тем не менее, рассказывая о мероприятиях Валентиниана I по защите рейнской границы, Квинт Аврелий Симмах высказал идею, которая, на наш взгляд, явно отражала его собственную авторскую позицию, его личное мировоззрение, а не официальную пропаганду императорской власти. Мы имеем в виду тот фрагмент панегирика, где Симмах обращается к римскому Сенату и призывает сенаторов направить в новую (предполагаемую) провинцию, т. е. в Аламаннию, «чиновников» (*fasces*) и «судей» (*iudices*) – подчеркнем, что Симмах обращается с этим призывом именно к Сенату, а не к императору. Мы полагаем, что данный пассаж речи Симмаха отражает некоторые особенности взаимоотношений императорской власти и Сената в период правления Валентиниана I.

Старая исследовательская традиция в лице А. Альфельди, М. Арнхейма и Г. Шуурманса доказывала, что Валентиниан I, стремившийся ослабить роль и влияние Сената в системе государственного управления, активно назначал на ведущие государственные должности представителей военного сословия (в основном своих бывших сослуживцев из Паннонии) и приравнивал положение командного состава армии к статусу гражданских чиновников сенаторского происхождения, повышая титулы и звания дуксов и комитов. К примеру, по мысли А. Альфельди, одним из аспектов противостояния с Сенатом было наделение дуксов и комитов привилегированным рангом *clarissimi* [19, p. 57–59]⁵.

Тем не менее в современной исследовательской литературе высказываются совершенно иные оценки. По мнению С. Шмидт-Хофнера, официальное законодательство периода Валентиниана I не позволяет говорить о каком-либо возвышении военных в ущерб сенаторской аристократии или об уравнивании ранга сенаторов и военных. Как полагает исследователь, те законы, на основе которых предшествующая историографическая традиция делала вывод о преобладании новой военной знати над старой гражданской, просто перечисляли порядок и последовательность аудиенции у императора, т. е. регулировали протокол придворных церемоний, но не возвышали военных над сенаторами [22, S. 104, 106, 108–109]. Р. Лицци Теста обратила внимание на еще один аспект развития Сената в эпоху Валентиниана I – по ее мнению, с 368 г. император стал активно продвигать и возвышать по служебной лестнице патрициан-

ский род Анициев, представителей древней италийской сенаторской аристократии, что вызвало недовольство других семей, входивших в состав Сената. Как отмечает Р. Лицци Теста, политика Валентиниана I вызвала раскол и разногласия уже внутри самого Сената, к числу недовольных относился и Квинт Аврелий Симмах, поскольку Аврелии, к роду которых принадлежал Симмах, были отодвинуты на второй план и лишились своего влияния на придворную администрацию [23, р. 267, 271, 273–275].

Мы же полагаем, что рассуждения (точнее, призывы) Симмаха отражают, скорее, напряженные отношения не между отдельными знатными семьями внутри Сената, но именно между Сенатом как политическим институтом (органом власти) и императором. Другими словами, на наш взгляд, Сенат как орган власти был недоволен ослаблением своих позиций в центральной и провинциальной администрации и весьма оригинально стремился выразить это недовольство Валентиниану I через официальную речь (панегирик) в честь самого же Валентиниана I (!), которую произнес Квинт Аврелий Симмах. Примечательно, но Симмах в несколько завуалированной форме высказал пожелания Сената по вопросу о статусе будущей, предполагаемой, более того, мнимой (!) провинции под названием «Аламанния», т. е. ритор заявлял о праве и намерении Сената назначать в эти территории, *если они будут присоединены к империи*, своих чиновников и представителей. Тем самым, на наш взгляд, Сенат выражал стремление управлять данными землями, само же стремление можно считать доказательством определенного напряжения в отношениях между Сенатом и императором.

3. ДЕЦИМ МАГН АВСОНИЙ И ИМПЕРАТОР ГРАЦИАН (375–383 гг.): НАИМЕНОВАНИЯ (ТОПОНИМЫ) *ALAMANNIA* И *GERMANIA* КАК ИНСТРУМЕНТЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ.

В 379 г. прославленный галльский ритор и политический деятель Децим Магн Авсоний, ранее наставник и домашний учитель (воспитатель) будущего императора Грациана, сына Валентиниана I, получил от своего ученика, к тому времени уже ставшего императором, титул консула. Как известно, в благодарность за этот титул Авсоний сочинил торжественную и хвалебную речь в честь Грациана, в которой галльский ритор перечислил и победные титулы самого Грациана. Эти титулы представляли собой этнонимы и по своему общему содержанию отражали военные кампании против различных германских племен:

[24, р. 216 = Ausonius, *Gratiarum actio*, II. 8] *vocarem Germanicum deditione gentilium, Alamannicum traductione captorum, vincendo et ignoscendo Sarmaticum*

«я назвал бы (тебя) Германским, поскольку племена сдаются в плен, Аламанским, поскольку (ты) с триумфом ведешь пленников, и Сарматским, поскольку (ты) побеждаешь и милуешь»

В современной исследовательской литературе в основном сложились две трактовки сведений этого пассажа: по мнению М. Кастелло, титулы *Germanicus* и *Alamannicus* в реальности подразумевали победы не Грациана, а его отца Валентиниана I, который в 368–369 гг. провел успешные военные кампании против аламаннов на рейнском фронте, в то время как титул *Sarmaticus* подразумевал победу над сарматами, которую осенью 378 г. одержал уже на дунайском фронте Феодосий Младший, будущий император Феодосий I Великий (в тот период Грациан, столкнувшийся с нашествием готов, вызвал Феодосия из Испании на средний Дунай и назначил его на одну из командных военных должностей для борьбы с готами) [25, р. 197–198]⁶. По мнению исследовательницы, тем самым, с одной стороны, Авсоний перенес (распространил) на Грациана титулы его отца, поскольку в 368–369 гг. Грациан уже был официальным соправителем Валентиниана I, а с другой – присвоил Грациану титул Феодосия, который осенью 378 г. подчинялся Грациану как командующий армией и в соответствии с ранговой иерархией не мог официально носить победные титулы – в тот период (до января 379 г., когда Феодосий был провозглашен императором восточных провинций империи) все они автоматически присоединялись к титулам Грациана [25, р. 198].

М. Коломбо высказал несколько иную точку зрения. По его мнению, титул *Germanicus* отражал победы над племенами гревтингов и тайфалов, которые еще в 377 г. одержал дукс нижней Мезии (с титулом комита) Фригерид⁷ – офицер, подчинявшийся императору восточных провинций империи Валенту, дяде Грациана. По мнению исследователя, титул *Alamannicus*, наоборот, отражал победу уже самого Грациана (точнее, его генерала Маллобавда) над аламаннским племенем лентиензов, которая была одержана в 378 г. в битве при Аргентарии (вблизи города Кольмар в Эльзасе на территории современной Франции). Наконец, титул *Sarmaticus*, по оценке М. Коломбо, подразумевал победу Феодосия Младшего над сарматами, в этом аспекте ис-

следователь высказывает трактовку, сходную с позицией М. Кастелло [28, р. 16–17].

Не оспаривая вывода исследователей о сарматах (в настоящее время он является общепризнанным⁸), мы полагаем, что точка зрения М. Кастелло о титулах *Germanicus* и *Alamannicus* не соответствует реалиям геополитического (или историко-политического) контекста, в котором Авсоний составил свою благодарственную речь. Сама М. Кастелло признает, что Авсоний написал свою речь в августе/сентябре 379 г. [25, р. 189], но тогда проблема состоит в том, что еще за год до этого, в конце июня или в начале июля 378 г. (как показали в своем новейшем исследовании Я. Дрийверс и Г. Тайтлер [30, р. 121]), Грациан провел успешную военную кампанию и в итоге одержал внушительную победу над аламаннским племенем лентиензов, которые попытались перейти рейнскую границу и вторгнуться в Галлию.

Но в таком случае возникает закономерный вопрос: с какой целью Авсоний, составивший речь в честь Грациана и стремившийся всемерно восхвалить его в благодарности за титул консула, должен был приписывать Грациану победные титулы, принадлежавшие его отцу, Валентиниану I? С какой целью Авсоний должен был приписывать Грациану чужие победы над аламаннами, когда сам Грациан уже одержал крупную победу над этим племенем? Мы полагаем, что вполне логичным выглядит другой вывод, который ранее высказывал М. Коломбо: титулы *Germanicus* и *Alamannicus* отражают собственные победы Грациана над племенем лентиензов. В таком случае мы хотели бы обратить внимание на само упоминание этих титулов в сочетании друг с другом, т. е. в единой связи, в одном перечислении.

На наш взгляд, наличие смысловой связи *Germanicus* – *Alamannicus* в повествовании Авсония подсказывает, что галльский ритор использовал здесь уже давно проверенный и хорошо действующий метод официальной пропаганды – представить победу над одним германским племенем как победу над всеми германскими племенами, победу над всей зарейнской Германией. Мы полагаем, что рассуждения Авсония сами по себе демонстрируют важный аспект римского географического мышления – во многих случаях земли проживания свободных (зарейнских) германцев рассматривались как *будущие* земли империи, и победа над германцами мыслилась как присоединение территории их проживания к владениям империи.

В самом деле, другой галльский ритор, Клавдий Мамертин, написавший в 362 г. благодарственную речь императору Юлиану (От-

ступнику), отмечает, что в результате победоносных кампаний Юлиана на Рейне в 356–357 гг. «вся Германия была разбита» (*Germania universa deleta est* – [31, с. 352–353 = Pan. Lat. XI (3). 4. 3], перевод И.Ю. Шабаги), а затем добавляет, что «Юлиан покорил Аламаннию» (*Iulianus Alamanniam domuit* – [31, с. 354–355 = Pan. Lat. XI (3). 4. 5], перевод И.Ю. Шабаги). В другой главе галльский ритор называет Аламаннию «восставшей» (*Alamanniam rebellantem* – [31, с. 356–357 = Pan. Lat. XI (3). 6. 2]), подчеркивая тем самым, что Юлиан «усмирил» (*oppressisset*) данную территорию.

Из сведений Клавдия Мамертина мы можем сделать два вывода: 1. Галльский ритор стремится представить Аламаннию не как свободную территорию, а именно как римскую провинцию, т. е. в его понимании победа над аламаннами привела к присоединению самой Аламаннии к римским владениям, соответственно дальнейшие войны против аламаннов трактовались как подавление мятежей подвластного, подчиненного населения, уже входившего в состав империи. 2. Победа над аламаннами и Аламаннией в понимании Клавдия Мамертина была органично приравнена к победе над всей зарейнской Германией – в этой связи рискнем предположить, что галльский ритор стремился донести до читателя мысль о присоединении всей зарейнской Германии к землям империи (по крайней мере, в недалеком будущем).

На наш взгляд, те же мотивы можно проследить и в панегирике Авсония – в его понимании победа над аламаннами подразумевала победу над всеми германскими племенами. Захватив в плен аламаннов и проведя триумфальное шествие в честь своей победы, Грациан захватил в плен все германские племена (не случайно Авсоний использует прилагательное *gentilis* во множественном числе – *gentilium*) и провел общий триумф в честь победы над всей зарейнской Германией. В самом деле, территориальный охват военной кампании Грациана был сравнительно небольшим и включал в себя те же регионы, где воевал и Валентиниан I – как проследил С. Лоренц, маршрут перемещений Грациана пролегал через города Кайзераугст, Базель и Арбон, т. е. в основном через земли современной Швейцарии (в северной ее части, на границе с Германией) [32, S. 172–173], следовательно, боевые действия не распространялись за пределы традиционной территории проживания аламаннов. Тем не менее с помощью смыслового соотношения терминов *Germanicus* – *Alamannicus* Авсоний стремился внушить читателю идею о том, что Грациан воевал против всей зарейнской Германии, масштаб боевых действий охватил все территории вдоль рейнской границы,

и молодой император доблестно справился со столь сложной и тяжелой задачей.

Рассмотренный выше материал позволяет нам заключить, что практически все события военной истории, происходившие на рейнской границе в середине IV в., так или иначе связывались с германской угрозой – в мировоззрении панегиристов войны с германцами неизбежно оценивались с позиций официальной пропаганды. Авторы панегириков ставили перед собой цель максимально возвеличить императора, которому они посвящали свои речи, соответственно панегиристы неизбежно рассматривали военные кампании против германцев как средство прославления императоров или, наоборот, осуждения его противников. Как результат эта же цель вполне логично приводила к искажению смысла многих событий в повествовании панегиристов, как правило, это искажение заключалось либо в преувеличении успехов императора (император одержал победу не просто над одним племенем, как было в реальности, но над всеми германскими племенами), либо в создании ложных причин и следствий тех или иных событий военной истории (вероломный отвод войск с рейнской границы как результат предательского сговора с варварами-германцами или присоединение к империи тех земель, где жили побежденные германцы).

Так или иначе, сведения панегиристов о конфликтах с германцами (включая и войну с Магненцием, которого Юлиан Отступник настойчиво стремился представить предводителем варваров, а не узурпатором императорской власти, т. е. внутренним противником) отражают важный и характерный аспект их мышления – они не воспринимали германцев и зарейнскую Германию как *свободных* внешних врагов. В понимании панегиристов германцы по определению *должны* были стать подданными императора, а их земли *должны* были войти в состав империи. Соответственно любая победа над германцами трактовалась как шаг к достижению этой цели – император воевал не со свободным внешним врагом, но с мятежными подданными, подвластным податным населением, обращенным в рабство или какую-либо другую форму зависимости, более того, император не просто победил, но и присоединил земли германцев к империи. В результате все последующие кампании против германцев рассматривались как дальнейшее расширение (или продвижение) владений римского государства, разрастание его территории за счет присоединения новых земель германцев. На наш взгляд, именно такую логику событий и такую идеологию панегиристы стремились донести до читателя, рассказывая о военных кампаниях, проведенных на рейнской границе империи.

Примечания

1. Речь идет о первом (по нумерации Ф.-К. Гертляйна, F.C. Hertlein) из двух панегириков Юлиана, посвященных Констанцию II, второй панегирик, по мнению Ф. Курты, был написан между мартом и октябрём 359 г. См.: [4, p. 210].

2. Об этническом происхождении Магненция см.: [6, p. 317] (на основании схолии к речи Юлиана, которая содержится на полях рукописи Vossianus 77 III (=V), Ж. Биде первым высказал идею, что отцом Магненция был бритт, а мать принадлежала к группе пленных франков-переселенцев, живших на северо-западе римской Галлии). В современной историографии позицию Ж. Биде поддерживает Дж. Дринкуотер, см.: [7, p. 139–141].

3. О лояльной политике Магненция по отношению к язычеству в Галлии см.: [10, S. 460]. По мнению Р. Кляйна, вплоть до конца IV в. христианская религия в Галлии была распространена только в городах, тогда как сельская местность оставалась по преимуществу языческой. См.: [11, S. 378–379].

4. М. Раймонди даже считает одной из причин узурпации Магненция своеобразный галльский сепаратизм – по ее мнению, сенаторская аристократия Галлии, а также жители города Августодуна (*Augustodunum*, современный Отен на востоке Франции), где Магненций непосредственно был провозглашен императором, были недовольны политической императора Константа (младший сын Константина I Великого, правивший в Галлии с 340 по 350 гг., брат Констанция II), который перенес свою резиденцию в Трир и проводил большую часть времени на рейнском фронте, а не во внутренних землях Галлии. См.: [15, p. 267, 283–284, 286].

5. М. Арнхейм приводит данные о включении бывших военных в состав сенаторского сословия и даже предельно четко утверждает, что в период правления Валентиниана I «количество знати на высших государственных постах стремительно упало до нижней точки» (со времен Константина I Великого) – [20, p. 94–95]. Более подробную разработку общего социально-политического контекста взаимоотношений Валентиниана и Сената см.: [21, p. 37–38]. Автор высказывает идею, что период до 368 г. характеризовался относительным спокойствием и согласием в отношениях Сената и императора, после же 368 г. во внутренней политике Августа наступил решительный перелом, и виновником прекращения «сотрудничества властей», по мнению Г. Шуурманса, «был, прежде всего, сам Сенат».

6. Точное название должности Феодосия, которую он занимал в тот период, неизвестно, ни один источник не сообщает об этом. По мнению Х. Сиван, Феодосий был начальником воинов Иллирика (*magister militum per Illyricum*), т. е. командовал войсками в префектуре Иллирик. См.: [26, p. 198, note 2].

7. О должности и карьере Фригериды см.: [27, S. 912].

8. Из современных исследователей, поддерживающих мнение о связи титула *Sarmaticus* с военной кампанией Феодосия Младшего против сарматов, выделим М. Раймонди, см.: [29, p. 161–162].

Список сокращений

- GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham, 1958.
 RÉA – Revue des Études Anciennes. Paris, 1899.
 ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1978.
 MGH. AA – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berlin, 1877.

Список литературы

1. The Works of the Emperor Julian / With an English Translation by W.C. Wright. Vol. I. London: William Heinemann, 1913. 511 p.
2. Tougher Sh. Reading between the Lines: Julian's First Panegyric on Constantius II // Emperor and Author: The Writings of Julian the Apostate. / Ed. by N. Baker-Brian and Sh. Tougher. Swansea, 2012. P. 19–34.
3. Drake H. 'But I Digress...' Rhetoric and Propaganda in Julian's Second Oration to Constantius // Emperor and Author: The Writings of Julian the Apostate / Ed. by N. Baker-Brian and Sh. Tougher. Swansea, 2012. P. 35–46.
4. Curta F. Atticism, Homer, Neoplatonism, and *Fürstenspiegel*: Julian's Second Panegyric on Constantius // GRBS. Vol. 36. 1995. P. 177–211.
5. Conti S. Religione e usurpazione: Magnenzio tra Cristianesimo e Paganesimo // ANTIDORON. Studi in onore di Barbara Scardigli Forster. / A cura di P. Desideri. Pisa, 2007. P. 105–119.
6. Bidez J. Amiens, ville natale de l'empereur Magnence // RÉA. Vol. 27. No. 4. 1925. P. 312–318.
7. Drinkwater J. F. The Revolt and Ethnic Origin of the Usurper Magnentius (350–353), and the Rebellion of Vetranio // Chiron. Bd. 30. 2000. P. 131–159.
8. Bleckmann B. Die Schlacht von Mursa und die zeitgenössische Deutung eines spätantiken Bürgerkrieges // Gedeutete Realität Krisen, Wirklichkeiten, Interpretationen (3.–6. Jh. n. Chr.). / Hrsg. von H. Brandt. Stuttgart: Steiner Verlag, 1999. S. 47–101.
9. Rubin Z. Pagan Propaganda during the Usurpation of Magnentius (350–353) // Scripta Classica Israelica. Vol. 17. 1998. P. 124–141.
10. Leppin H. Constantius II und das Heidentum // Athenaeum. Vol. 87/2. 1999. S. 457–480.
11. Klein R. Das südliche Gallien in spätantiker Zeit // Gymnasium. Bd. 98/4. 1991. S. 352–380.
12. Camodeca G. Per la redazione del fasti delle province italiche: Fl. Romulus, consularis Flaminiae et Piceni nel 352(-3) // ZPE. Bd. 28. 1978. P. 151–158.
13. Didu I. Magno Magnenzio. Problemi cronologici ed ampiezza della sua usurpazione. I dati epigrafici // Critica Storica. Vol. 14/1. 1977. P. 11–56.
14. Szidat J. Usurpator tanti nominis. Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.). Stuttgart: Steiner Verlag, 2010. 458 S.
15. Raimondi M. Modello costantiniano e regionalismo gallico nell'usurpazione di Magnenzio // Mediterraneo antico. Vol. 9/1. 2006. P. 267–292.
16. Q. Aurelii Symmachi quae supersunt / Ed. O. Seeck. (MGH. AA. 6.1). Berolini: apud Weidmannos, 1883. 355 p.
17. Zotz Th. Die Alemannen um die Mitte des 4. Jahrhunderts nach dem Zeugnis des Ammianus Marcellinus // Die Franken und die Alemannen bis zur «Schlacht bei Zülpich» (496/97) / Hrsg. von D. Geuenich. Berlin/N.Y., 1998. S. 384–406.
18. Raimondi M. Valentiniano I e la scelta dell'Occidente. Torino: Edizioni dell'Orso, 2001. 258 p.
19. Alföldy A. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 152 p.
20. Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 246 p.
21. Schuurmans G. Valentinien I et le Sénat Romain // L'Antiquité Classique. Vol. 18/1. 1949. P. 25–38.
22. Schmidt-Hofner S. Reagieren und Gestalten. Der Regierungsstil des spätromischen Kaisers am Beispiel des Gesetzgebung Valentinians I. München: C.H. Beck, 2008. 398 S.
23. Lizzi Testa R. Quando nella curia furono viste fiorire le scope: il senato di Valentiniano I // Le Trasformazioni delle Élites in età Tardoantica / A cura di R. Lizzi Testa. Perugia: L'Erma di Bretschneider, 2006. P. 239–276.
24. Decimi Magni Ausonii Burdigalensis opuscula / Ed. S. Prete. Lipsiae: Teubner, 1978. 417 p.
25. Castello M. La crisi dell'impero e la frantumazione dell'illusione di rinascita: La gratiarum Actio di Decimio Magno Ausonio // Historia. Bd. 59/2. 2010. P. 189–205.
26. Sivan H. Was Theodosius I a Usurper? // Klio. Bd. 78/1. 1996. P. 198–211.
27. Wachtel K. Frigeridus dux // Chiron. Bd. 30. 2000. S. 905–914.
28. Colombo M. Exempla strategici, simboli geografici ed aquilae in alcuni passi di Ammiano Marcellino // Arctos. Vol. 40. 2006. P. 9–25.
29. Raimondi M. Ausonio e l'elezione di Teodosio I // Aevum. Vol. 82/1. 2008. P. 155–178.
30. Drijvers J., Teitler H.C. Gratian's Campaign against the Lentienses and His Journey to Thrace (Ammianus Marcellinus 31.10 & 31.11.6): A New Chronology // Historia. Bd. 68/1. 2019. P. 115–124.
31. Латинские панегирики. Вступ. ст., пер. и коммент. И.Ю. Шабаги. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 672 с.
32. Lorenz St. Imperii fines erunt intacti: Rom und die Alamannen 350–378. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. 242 S.

**THE RHINE FRONTIER OF THE LATE ROMAN EMPIRE IN 350–378 A.D.:
SOME PROBLEMS OF MILITARY HISTORY AS REFLECTED IN PANEGYRICS**

E.A. Mekhamadiev

Based on three texts describing major military campaigns that took place in 350–378, this paper examines how military events at the Rhine frontier of the late Roman Empire were presented in panegyrics. The analysis of the logic of cause and effect used by panegyrists in describing the events of military history and of the set of arguments and terms (ethnic and geographical names) in these panegyrics shows that their authors often constructed (invented) false reasons and results of many military events and exaggerated the geographical scope (the territory) of the Emperor's victories.

Keywords: panegyrics, Rhine frontier, Alamanns, usurpation, propaganda, ideology.

References

1. The Works of the Emperor Julian / With an English Translation by W.C. Wright. Vol. I. London: William Heinemann, 1913. 511 p.
2. Tougher Sh. Reading between the Lines: Julian's First Panegyric on Constantius II // Emperor and Author: The Writings of Julian the Apostate. / Ed. by N. Baker-Brian and Sh. Tougher. Swansea, 2012. P. 19–34.
3. Drake H. 'But I Digress...' Rhetoric and Propaganda in Julian's Second Oration to Constantius // Emperor and Author: The Writings of Julian the Apostate / Ed. by N. Baker-Brian and Sh. Tougher. Swansea, 2012. P. 35–46.
4. Curta F. Atticism, Homer, Neoplatonism, and *Fürstenspiegel*: Julian's Second Panegyric on Constantius // GRBS. Vol. 36. 1995. P. 177–211.
5. Conti S. Religione e usurpazione: Magnenzio tra Cristianesimo e Paganesimo // ANTIDORON. Studi in onore di Barbara Scardigli Forster. / A cura di P. Desideri. Pisa, 2007. P. 105–119.
6. Bidez J. Amiens, ville natale de l'empereur Magnence // RÉA. Vol. 27. No. 4. 1925. P. 312–318.
7. Drinkwater J. F. The Revolt and Ethnic Origin of the Usurper Magnentius (350–353), and the Rebellion of Vetricano // Chiron. Bd. 30. 2000. P. 131–159.
8. Bleckmann B. Die Schlacht von Mursa und die zeitgenössische Deutung eines spätantiken Bürgerkrieges // Gedeutete Realität Krisen, Wirklichkeiten, Interpretationen (3.–6. Jh. n. Chr.). / Hrsg. von H. Brandt. Stuttgart: Steiner Verlag, 1999. S. 47–101.
9. Rubin Z. Pagan Propaganda during the Usurpation of Magnentius (350–353) // Scripta Classica Israelica. Vol. 17. 1998. P. 124–141.
10. Leppin H. Constantius II und das Heidentum // Athenaeum. Vol. 87/2. 1999. S. 457–480.
11. Klein R. Das südliche Gallien in spätantiker Zeit // Gymnasium. Bd. 98/4. 1991. S. 352–380.
12. Camodeca G. Per la redazione del fasti delle province italiche: Fl. Romulus, consularis Flaminiae et Piceni nel 352(-3) // ZPE. Bd. 28. 1978. P. 151–158.
13. Didu I. Magno Magnenzio. Problemi cronologici ed ampiezza della sua usurpazione. I dati epigrafici // Critica Storica. Vol. 14/1. 1977. P. 11–56.
14. Szidat J. Usurpator tanti nominis. Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.). Stuttgart: Steiner Verlag, 2010. 458 S.
15. Raimondi M. Modello costantiniano e regionalismo gallico nell'usurpazione di Magnenzio // Mediterraneo antico. Vol. 9/1. 2006. P. 267–292.
16. Q. Aurelii Symmachi quae supersunt / Ed. O. Seeck. (MGH. AA. 6.1). Berolini: apud Weidmannos, 1883. 355 p.
17. Zotz Th. Die Alemannen um die Mitte des 4. Jahrhunderts nach dem Zeugnis des Ammianus Marcellinus // Die Franken und die Alemannen bis zur «Schlacht bei Zülpich» (496/97) / Hrsg. von D. Geuenich. Berlin/N.Y., 1998. S. 384–406.
18. Raimondi M. Valentiniano I e la scelta dell'Occidente. Torino: Edizioni dell'Orso, 2001. 258 p.
19. Alföldy A. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 152 p.
20. Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 246 p.
21. Schuurmans G. Valentinien I et le Sénat Romain // L'Antiquité Classique. Vol. 18/1. 1949. P. 25–38.
22. Schmidt-Hofner S. Reagieren und Gestalten. Der Regierungsstil des spätrömischen Kaisers am Beispiel des Gesetzgebung Valentinians I. München: C.H. Beck, 2008. 398 S.
23. Lizzi Testa R. Quando nella curia furono viste fiorire le scope: il senato di Valentiniano I // Le Trasformazioni delle Élites in età Tardoantica / A cura di R. Lizzi Testa. Perugia: L'Erma di Bretschneider, 2006. P. 239–276.
24. Decimi Magni Ausonii Burdigalensis opuscula / Ed. S. Prete. Lipsiae: Teubner, 1978. 417 p.
25. Castello M. La crisi dell'impero e la frantumazione dell'illusione di rinascita: La gratiarum Actio di Decimo Magno Ausonio // Historia. Bd. 59/2. 2010. P. 189–205.
26. Sivan H. Was Theodosius I a Usurper? // Klio. Bd. 78/1. 1996. P. 198–211.
27. Wachtel K. Frigeridus dux // Chiron. Bd. 30. 2000. S. 905–914.
28. Colombo M. Exempla strategici, simboli geografici ed aquilae in alcuni passi di Ammiano Marcellino // Arctos. Vol. 40. 2006. P. 9–25.
29. Raimondi M. Ausonio e l'elezione di Teodosio I // Aevum. Vol. 82/1. 2008. P. 155–178.
30. Drijvers J., Teitler H.C. Gratian's Campaign against the Lentienses and His Journey to Thrace (Ammianus Marcellinus 31.10 & 31.11.6): A New Chronology // Historia. Bd. 68/1. 2019. P. 115–124.
31. Latinskie panegiriki. Vstup. st., per. i komment. I.Yu. Shabagi. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2016. 672 s.
32. Lorenz St. Imperii fines erunt intacti: Rom und die Alamannen 350–378. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. 242 S.